

В толковании понятия «суверенитет» царит большая путаница

В.Г. Хорос, доктор исторических наук

Доклад не только красиво исполнен (что всегда отличало выступления и писания Вадима Леонидовича), но и очень полезен. Прежде всего тем, что в нем проведена необходимая инвентаризация понятия «суверенитет», в толковании которого царил — и до сих пор царит — большая путаница. Докладчик показывает, что эта путаница возникла в результате расхождения правового и политического подходов. Первый подход исходит из суверенитета как некой нормы, самодостаточности, полноты отправления властных полномочий и прав — и в этом смысле не может быть «частичного» суверенитета, «неполного» суверенитета и т. п., как не может быть «частичной беременности». Политический же подход подобные казусы допускает, поскольку он исходит из обстоятельств, из конъюнктурных соображений, строится, как у нас сейчас любят шутить, «по понятиям».

В.Л. Цымбурский стремится внести порядок в эту разногласицу мнений. Он различает два аспекта суверенитета: «суверенитет факта» (т. е. когда национальная власть способна реально отстоять независимость вверенного ей общества) и «суверенитет признания» (когда суверенитет того или иного государства не оспаривается соседями или мировым сообществом в целом). Разумеется, один аспект прямо связан с другим: если национальная власть эффективна в отправлении своей суверенной политики, последняя не может не признаваться окружающими.

В наше время второй, «внешний» аспект суверенитета приобретает особый смысл и нередко выдвигается на передний план. Это — одно из проявлений или последствий глобализации, когда альянс наиболее сильных и избранных стран во главе с США считает себя вправе определять: кто может обладать суверенитетом, а кто — нет. Или — в какой мере может, а в какой — нет. В качестве ограничителей других суверенитетов выступают различные средства: экономические санкции, политический диктат, дипломатическое и информационное давление — наконец, вооруженное вмешательство (или его угроза). Происходит своеобразная феодализация международных отношений: вместо суверенов появляются сюзерены и вассалы, а идеологи этого процесса стараются оправдать ограничения суверенности соответствующими теоретическими аргументами в ущерб международному праву.

Новейшее средство ограничения или подрыва национальных суверенитетов — так называемые «цветные» революции, о которых говорилось в докладе. В.Л. Цымбурский выделяет две характерные черты «цветных» революций: провозглашение мобилизованной и прикормленной толпы «народом» и легитимация этого «народа» авторитетом мировых инстанций. «Цветные» революции (точнее, псевдореволюции) — это дурной политический спектакль, в значительной мере режиссируемый извне в целях «антисуверенизации» тех или иных стран.

К сожалению, постсоветская Россия немало способствовала нарушению устоявшихся представлений и понятий о суверенитете. Чего стоит только самозванная ликвидация СССР тремя беловежскими посидельцами. Или «парад суверенитетов» 1990-х гг., ельцинский призыв «берите столько суверенитета, сколько проглотите», провозглашение субъектами Федерации не только национальных автономий, но и территориально-экономических областей (Большой Урал, Большая Волга). Или, наконец, такая ельцинская демагогия,

как то что «самый главный первичный суверенитет в России — это человек, его права. Далее — предприятия, колхоз, совхоз, любая другая организация — вот где должен быть первичный и самый сильный суверенитет». И все это — ради одного: обладания властью или удержания ее. Естественно, что после этого идеологического угара, подрывавшего страну, при Путине процессу был дан обратный ход — к приоритету центральной федеральной власти, ликвидации псевдосуверенитетов.

Но проблемы остаются, и не только в России. Уточнение понятий и конвенциональные договоренности на этой основе, конечно, необходимы, но они все равно не могут вобрать в себя всю сложность реальной жизни и возникающие непредвиденные варианты. Это хорошо прослеживается, скажем, на примере такой столь связанной с суверенитетом проблемы, как право наций на самоопределение. В свое время это право («вплоть до отделения») было вписано в Конституцию СССР, но, по-видимому, потому что тогдашняя власть не представляла себе, что кто-нибудь этим правом реально воспользуется. Точно так же никого не волновало тогда, что Крым вместе с Севастополем был «подарен» Украинской ССР. Но время пришло, и право на самоопределение — вплоть до отделения — «заработало» (распад союзного государства, Чечня, Абхазия, Южная Осетия и т. д.). Пришлось одному принципу противопоставлять другой (о ненарушении территориальной целостности), хотя и это не избавило от неясностей и конфликтов.

Как решать эти спорные случаи, когда нет (да, наверное, и не может быть) единого правила? Думается, что на основе того, что подсказывает сама реальная действительность, т. е. нормального здравого смысла. Так, предоставление независимости Чечне оказалось невозможно, т. к. жизнь показала: это несет огромные беды как самой Чечне, так и всему Кавказу. Не берусь окончательно утверждать, чем закончатся разборки Грузии с Южной Осетией и Абхазией, но пока очевид-

но, что их совместное существование вряд ли возможно, и будет необходимо искать какое-то промежуточное решение, которое обеспечило бы политическую автономию одних и те или иные формы компенсации — для других. В этом плане, например, решение по Косово нельзя признать оптимальным, ибо оно удовлетворяет лишь одну сторону за счет другой, что со временем неизбежно приведет к новым обострениям, и какой-то компромисс все равно искать придется.

В докладе, естественно, уделено внимание выдвинутому В.Ю. Сурковым понятию «суверенная демократия», вызвавшему в свое время немало недоумений. В.Л. Цымбурский справедливо полагает, что это понятие надо воспринимать именно в контексте современной глобализации — как отповедь «суверенитету признания», т. е. попыткам ущемить суверенитет России и ряда других стран под видом навязывания западных образцов демократии. И одновременно — как утверждение «суверенитета факта», т. е. способности России отстаивать национальные интересы и свое право на это.

Последнее — о том, как докладчик видит дальнейшую перспективу политического развития России. В.Л. Цымбурский полагает, что эта перспектива определится в ходе противостояния двух сил: «так называемой олигархии с ее правовым, информационным, силовым и иным обеспечением» (ее докладчик называет «фрондой») и «городским политическим классом». С этим в принципе можно согласиться, но термин «городской политический класс» выглядит недостаточно определенным («фронта», кстати, тоже ведь относится к «городскому политическому классу»). Водораздел между этими двумя политическими векторами можно и нужно провести более отчетливо и, кстати, как раз в связи с понятием суверенитета. Ибо то, что относится к олигархии, «новым русским» и т. п. — есть по сути прослойка компрадоров, для которой национальный суверенитет не является чем-то существенным. В качестве же оппонента этой прослойке выступают те, кого можно отнести к креативному потенциалу российского

общества — ученые, инженеры, квалифицированные рабочие, сельчане, желающие трудиться на земле. Этот слой был создан еще при Советской власти, в постсоветские времена он был сильно ослаблен и потрепан. Но он все еще остается и, по определению, настроен патриотически и государственно (в хорошем смысле этого слова). От противостояния этих двух полярных политических сил, действительно, будет зависеть, по какому пути пойдет Россия и сохранит ли она свой суверенитет.